

М.А. Демин

К вопросу о методологии научных исследований по истории Сибири в 1990-е гг.

M.A. Demin

To the Problem of Methodology of Scientific Researches on History of Siberia in 1990s

В историографии Сибири 1990-х гг. сосуществовали различные методологические подходы и прежде всего формационная, цивилизационная и модернизационная теории. Ученые по-прежнему использовали отдельные положения марксистской теории и другие теоретические идеи отечественных дореволюционных и западных ученых.

Ключевые слова: историография, методология, марксизм, формационная, цивилизационная и модернизационная теории.

Методологические проблемы исторической науки последние два десятилетия находятся в центре острейших дискуссий в историографии, философии, культурологии, социологии. Эти вопросы кроме чисто научного интереса имеют непосредственный выход в область профессионального да и общего образования, в сферу идеологии и даже политики [1, с. 199, 208–209]. Крайнюю сложность, неоднозначность и противоречивость трансформации формационной марксистской методологии на рубеже XX–XXI вв. можно проследить на основе анализа соответствующих фрагментов научно-квалификационных сочинений. В данной публикации рассмотрено более 100 авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, посвященных истории Сибири. Следует сразу оговориться, что далеко не всегда вводные разделы отражают содержание основной части работы; нередко они носят формальный, «ритуальный» характер, и автор к ним вообще не обращается в тексте, особенно если он носит описательный характер. Значительно реже встречаются случаи, когда соискатель использует в диссертации какие-то новые теоретические выкладки, но по определенным причинам не считает возможным демонстрировать это во введении. В обоих вариантах формулировка методологических оснований исследования с учетом жанра работы выражает не только, а может быть, и не столько авторскую позицию, а характеризует понимание этих проблем

In the historiography of Siberia in 1990s different methodological approaches coexisted, and first of all there were formation, civilization and modernization theories. The scientists used certain theses of Marxist theory and other theoretical ideas of Russian prerevolutionary and Western scientists.

Key words: historiography; methodology; Marxism; formation, civilization and modernization theory.

в достаточно широком научном сообществе на данном отрезке времени.

В советский период методологической базой диссертации обычно провозглашались либо в целом марксистско-ленинское учение о развитии общества, общественно-экономических формациях, классах и классовой борьбе, либо конкретные положения, содержащиеся в трудах классиков марксизма-ленинизма. В последнем случае чаще всего приводились высказывания В.И. Ленина об отдельных сторонах капиталистического развития России, империалистических противоречиях, формах эксплуатации, самодержавии, освободительном движении и пр., и указывалось на их «принципиальное значение» для раскрытия темы диссертации. Нередко методология и актуальность исследования связывались с задачей «неустанно разоблачать клеветнические измышления, происки и фальсификации» «реакционной буржуазной лженауки» или «китайских экспансионистов». Встречались, хотя и редко, диссертационные работы (в основном по археологии), в которых методологический раздел отсутствовал (иногда его заменяли характеристикой специальных методов исследования), однако соответствующую ссылку на классиков марксизма или материалы партийных форумов, как правило, все же делали, чаще всего в обосновании актуальности темы.

Острая критика советской идеологии и марксистских схем на рубеже 1990-х гг. содержалась

преимущественно в журнальной периодике и публицистической литературе, однако не сразу была воспринята и научно обоснована в академических и университетских кругах. Отсюда понятна та чрезвычайная сложность, которую испытывали диссертанты вместе со своими научными руководителями при формулировке методологических принципов работы. В конце 1980-х гг. и 1991 г. в авторефератах по-прежнему преобладали заключения о том, что методологическую и теоретическую основу исследований составляют произведения основоположников марксизма-ленинизма, марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, развитии капитализма, классовой борьбе, всемирно-исторической роли пролетариата и пр. Однако распад Советского Союза и смена официальных идеологических доктрин потребовали пересмотра традиционных методологических установок. Одни авторы в этих условиях пошли по пути использования фактически прежних теоретических положений, но, исключив персональные упоминания, кратко и в самой общей форме констатировали, что методологической базой работы являются положения исторического материализма о закономерностях общественного развития и производственных отношений, диалектико-материалистическое понимание исторического процесса, материалистические представления о развитии общества. Другие исследователи отмечали необходимость учета как теоретических положений классиков марксизма, так и принципов системного подхода, разработанных Э.Г. Юдиным, И.В. Блаубергом, В.И. Садовским, А.И. Уемовым, а также достижений ученых немарксистского направления – С.Н. Булгакова, Ф. Броделя, М. Вебера. Третьи вообще опускали данный раздел введения. Встречались попытки подменить методологию исторических исследований общефилософскими положениями о диалектике формы и содержания, диалектике исторического и логического.

В ряде случаев на волне перестроечной критики официальной советской историографии авторы указывали на «решительное» обновление современной исторической науки, «едва ли не впервые» вставшей на путь «объективного, правдивого освещения прошлого... во всей его многогранности и противоречивости» [2, с. 13]. Нередко исследователи ограничивались этими декларативными заявлениями, не пытаясь разобраться в сложностях теоретических исканий переломной эпохи. Были и совсем оригинальные варианты решения рассматриваемой проблемы, например, в одной из работ в качестве методологической основы рассматривались Конституция Российской Федерации и Федеративный договор 1993 г.

Во второй половине 1990-х гг. становится очевидной ситуация методологического плюрализма, сосуществования различных методологических парадигм, прежде всего формационного и цивилизационного

подходов и модернизационной теории. Кроме того, познавательная ситуация в гуманитарных науках осложнялась «постмодернистским вызовом» и проникновением в профессиональную среду измышлений «фолькхистори». В этих условиях задача определения методологической базы исследований оставалась крайне сложной.

В ряде диссертаций по археологии, в которых общетеоретические вопросы оставались на периферии авторского внимания, воспроизводятся одни и те же «проходные» штампы об общефилософских подходах к изучению закономерностей связи вещей, явлений и процессов, материалистических представлениях о роли экономики в развитии общества, взаимодействии природы и социума, человека и окружающей среды и пр. В других работах методологический раздел ограничивается кратким указанием на принцип историзма, изучение явлений в их развитии и изменении (или установление причинно-следственных связей между ними). Заслуживает внимания стремление некоторых авторов выйти за рамки общепринятых методологических схем и опереться на теоретические положения, важные для проблематики данной работы. Например, в антропологическом исследовании диссертант в качестве основополагающей идеи использует тезис об отсутствии причинной зависимости между расами и культурами [3, с. 5]. Попытки уйти от стандартных формулировок не всегда были удачными: соискатели испытывали сложности в использовании понятийного аппарата, правильном соотношении принципов и методов исторического исследования. Так, в одной из работ утверждается, что методологической основой диссертации являются «конкретно-исторический и системный подходы, индуктивный и гипотетико-дедуктивный принципы познания объекта изучения» [4, с. 4]. В другой – в качестве методологической базы рассматривается «системный подход к использованию источников как разновидности диалектического метода» [5, с. 5].

В исторических и этнографических исследованиях второй половины 1990-х гг. обычным оставалось указание на исторический материализм (диалектический материализм, материалистическую диалектику, диалектическую логику) как основной теоретический принцип исследования. Автор одной из работ обосновывает это тем, что материалистическая диалектика имеет многовековую историю и подтверждается практикой всего человечества [6, с. 2]. Однако обычные ранее ссылки на произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина делаются редко. Так, явным диссонансом среди основной массы диссертаций звучали утверждения соискателей о том, что «выявление структуры трудовых традиций основывается на марксовом анализе процесса труда, данном в «Капитале», или то, что методологическую основу работы составляют идеи классиков марксизма

о социальной детерминированности проституции, которая в буржуазном обществе является следствием товарно-денежных отношений [7, с. 9; 8, с. 13]. Как правило, даже те авторы, которые указывали на важный познавательный потенциал марксизма, считали необходимым оговориться о наличии в трудах его основоположников недостатков, спорных и ошибочных положений, а также об использовании в диссертации наряду с марксизмом других концепций общественного развития.

К 2000 г. на первый план в методологических разделах диссертаций выходит принцип историзма. В некоторых работах ученые рассматривают его как универсальный исследовательский метод, однако чаще он дополняется принципами комплексного (системного) подхода и объективности. Использование принципа объективности (объективизма) в трудах ряда авторов можно, вероятно, рассматривать как развитие позитивистских взглядов на изучение прошлого, допускающих возможность адекватной (объективной) реконструкции исторических процессов и беспристрастной оценки исторических деятелей. В этой связи отметим четко выраженную позицию Ю.Г. Недбая, который подчеркивал, что в историческом познании нет и не может быть никакой другой методологии (в общетеоретическом понимании), кроме научной, поскольку история лишь одна из множества существующих наук и с точки зрения научного познания мира принципиально ничем от них не отличается [9, с. 27]. Другой взгляд на характер исторических исследований, учитывающий специфику гуманитарных наук, представлен в докторской диссертации В.П. Бойко. Согласно его аргументированному заключению, принцип объективности предполагает признание вариантности исторического процесса, приоритета фактов и документальных свидетельств, отказ от догм и стереотипов, продиктованных политическими, идеологическими или материальными обстоятельствами [10, с. 16].

В работах второй половины 1990-х гг. исследователи, как правило, высказываются за синтез различных теоретических подходов. Приверженность одной концепции, включая формационный и цивилизационный подходы и теорию модернизации, наблюдается редко. Отмечается, в частности, что формационная и цивилизационная парадигмы не противостоят, а взаимно дополняют друг друга [6, с. 11]. Однако чаще всего диссертанты стремятся избежать полемики по поводу познавательных возможностей этих универсальных теорий, а декларируют комплексное использование отдельных положений различных методологических подходов и конкретно-исторических моделей: историко-юридической школы, структурализма, семиотики, социальной и этнической психологии, синергетики, теорий информации и менталитета, концепций культурно-исторических типов и «демографического

перехода» («демографической революции») и пр. В полемическом духе суть такого подхода, обозначенного как «узко эмпирический», сформулировал Ю.М. Гончаров: «Основой диссертации можно считать не какую-то теоретическую концепцию, а совокупность общенаучных методологических принципов и конкретных методик, применяющихся в современной исторической науке» [11, с. 12]. Несколькими по-другому, но также в дискуссионном ключе, эту мысль выразил Ю.Г. Недбай: «...главным... должна быть не методология конкретного исследования... а система взглядов на решаемую автором проблему... При этом право выбора должно оставаться за исследователем, ибо он сам несет ответственность за свой выбор» [9, с. 27].

Историки рассматриваемого времени, вероятно, хорошо понимали, что отечественная историография делает только первые шаги по овладению новыми методологическими конструкциями и их адаптации к анализу источников и изучению отдельных проблем прошлого Сибири. В связи с этим ряд исследователей специально останавливались на разработке методологических оснований своих трудов. Глубокий анализ отдельных положений трудов В. Зомбарта о генезисе капитализма, М. Вебера о социальной специфике феномена городов и концепции «мира-экономики» Ф. Броделя и их теоретического потенциала для изучения социально-экономических отношений Азиатской России XVIII–XIX вв. дан в докторской диссертации А.Р. Ивонина [12, с. 5–6]. Серьезная критика господствовавших в советское время представлений на такую ключевую категорию исторического познания, как этнос, на взаимоотношения этнических и политических феноменов содержится в работе Л.И. Шерстовой. Опираясь на большой конкретный материал по тюркоязычному аборигенному сообществу Южной Сибири, исследователь определяет понятие «этнополитическая история» как исторический процесс воплощения глобального этногенеза в политических формах и состояниях конкретных этногенезов, как опосредованное через государство взаимодействие этносов во времени и пространстве и развитие их эндогенного политического начала [13, с. 7]. О.В. Боронин, основываясь на концепции «динамической стабильности» А.Д. Богатурова и К.В. Плешакова, определяет состояние в пограничных районах России, Монголии и Китая в XVII – первой половине XIX в. как «стабильную нестабильность», когда неурегулированные международные отношения и постоянные мелкие конфликты не перерастают в обширную региональную войну [14, с. 20–21]. Т.В. Галкина на материале научной деятельности А.П. Дульзона попыталась выявить общие закономерности возникновения, функционирования, структуры и типологии научных школ [15].

Таким образом, исследователи прошлого Сибири по-разному преодолевали методологический кризис 1990-х гг. Иррациональные идеи в духе эпистемоло-

гического скептицизма почти не затронули представителей научных школ исторического сибиреведения. Одни историки считали, что надо развивать ряд марксистских положений, имеющих общенаучный, а не идеологический характер. Другие искали новые теоретические идеи в разработках отечественных до-революционных и западных ученых. Третьи предпринимали усилия по выработке собственного видения методологических проблем и конструирования своего «измерения» исторического процесса. Продуктивным представляется здесь разработка исследователями частных исторических концепций, приемлемых для обобщения данного комплекса источников. Наконец,

большая группа историков считала (и продолжает придерживаться этой точки зрения), что «методологические штудии» – это прерогатива философов, они мало применимы для изучения конкретного архивного, археологического или этнографического материала. Методологические разделы работ рассматривались как навязанная извне «этикетная» формальность, и, соответственно, они превращались, по словам Б.Г. Могильницкого, в «поверхностно-произвольный набор штампов», когда фактическое содержание исследования и означенная в нем методология выступали «двумя редко соприкасающимися линиями» [16, с. 194].

Библиографический список

1. Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. – Новосибирск, 2009. – Т. III.
2. Алешков И.В. Процесс формирования культуры межнационального общения трудящихся Западной Сибири и влияние на него партийных организаций (1976–1985 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1991.
3. Тур С.С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2003.
4. Заика А.Л. Антропоморфные личины в наскальном искусстве Нижней Ангары : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2003.
5. Скопинцева Г.В. Новосибирское и Барнаульско-Бийское Приобье в I–VIII вв. н.э. История идей и исследований XVIII–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1996.
6. Попов М.А. Молодежь Западной Сибири: опыт решения социальных проблем (1929–1936 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1998.
7. Самотохин В.М. Формирование и развитие трудовых традиций в сельских производственных коллективах Алтая: опыт, проблемы (1946–1958 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2000.
8. Быкова А.Г. Проституция в истории больших городов Западной Сибири 1880-е – 1914 гг. (по материалам Омска и Томска) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1999.
9. Недбай Ю.Г. Сибирское казачье войско (1725–1861 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Омск, 1999.
10. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 1999.
11. Гончаров Ю.М. Сибирская купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997.
12. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2000.
13. Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири. XVII – начало XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 1999.
14. Боронин О.В. Двоеданнычество и двоеподданство тюркских народов Южной и Юго-Западной Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2000.
15. Галкина Т.В. Научная школа Андрея Павловича Дульзона : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2000.
16. Могильницкий Б.Г. К вопросу об уровне современных докторских диссертаций по историческим наукам // Мир историка : историографический сборник. – 2010. – Вып. 6.